

Из воспоминаний маленькую девочку вывели первые капли дождя, забарабанившие по оконному стеклу. Делия поспешно прыгнула с подоконника, стряхнула крошечные мокрые капельки со своей сорочки и, недолго полюбовавшись ночным небом, затянутым мрачными тучами, захлопнула ставни, нисколько не заботясь о том, что этот звук может легко достичь чувствительных ушей её матери. Малышка намеренно не стала задерживать портьеры — она хотела, чтобы утром в её комнату проникли солнечные лучи, которые подарили бы ей немного света и тепла, которого ей так не хватало в последнее время — как в переносном, так и в буквальном смысле.

Малышка повернулась спиной к окну и подошла к своей кровати. Убедившись, что там никого нет — ох уж эти детские страхи! — Делия откинула край одеяла и опустилась на холодные простыни, но ложиться не спешила. Вместо этого она села на край кровати и начала медленно раскачиваться взад-вперед, словно в кресле-качалке. Почти мечтательная улыбка блуждала по её сосредоточенному лицу — казалось, она представляла себя стоящей на палубе маленькой яхты, плывущей по волнам бескрайнего моря. Как бы то ни было, ритм, в котором она раскачивалась, пошел ей на пользу — к тому времени, когда на улице уже пошёл дождь, Делия уже справилась со своими эмоциями и откинулась на подушку с улыбкой на губах.

Однако она всё ещё не могла уснуть — всё, чего она могла добиться, это заменить одно воспоминание другим. Натянув на себя одеяло, Делия устремила немигающий взгляд прямо в потолок и тут же погрузилась в мирное оцепенение, которое было так характерно для неё в ту ночь. Никто не вмешивался в этот процесс — мать, по-видимому, давным-давно спала как убитая, поскольку женщину не разбудил ни один звук из спальни ее дочери, который она восприняла бы как сигнал тревоги. А что касалось её отца, то Делия даже не была уверена, действительно ли он сейчас находился дома — кто знает, может быть, он остался на ночь в квартире своего друга, как он часто делал, когда у него был завал на работе.

Девочка продолжала испытывать беспокойство за своего взрослого друга — ей казалось, что Джордан в этот самый момент томится где-то в плену, подобно молодому вождю из сказки, которую она слышала, находясь в гостях у дяди Джафа. Делия до сих пор помнила тот день, когда впервые за два месяца их отношений она не застала дядю Джо в его собственном доме (не считая, конечно, тех моментов, когда тот ездил в центр по делам). Это было примерно через день после её визита к его близкому другу Джафету — сначала без видимой причины родители отвели девочку к гинекологу, молоджавому мистеру Мэдисону Фрейзеру, который, небрежно (можно даже сказать, «для галочки») обследовав её женское естество, сказал мрачной матери Делии, что у её дочери «всё именно так, как вы подозреваете!», отпустил свою пациентку на все четыре стороны.

Делия, привыкшая к тому, что родители никогда не обсуждали с ней «проблемы низшего порядка» (как выражался её глубоко религиозный отец), не задавала им никаких вопросов о случившемся и покорно отправилась с матерью в квартиру Хорхе Когхилла — старого друга отца, где обе женщины остались на ночь, в то время как сам глава семьи отправился домой «по неотложным делам», как он кратко объяснил жене и дочери. На следующее утро Делию разбудил хозяин квартиры, седовласый и высокий мужчина — сам мистер Когхилл. Угостив своих гостей кофе и тостами, он поделился с матерью Делии двумя ничего не значащими новостями из жизни нью-йоркской богемы, а затем пригласил их на какое-то очень значимое мероприятие, но мать вежливо отказала мистеру Когхиллу и, сославшись на нехватку времени, поспешила уйти с дочерью, оставив его наедине с женой — миссис Сьюзен Когхилл, такой же старой и высокой, как и её супруг.

В течение всего следующего дня Делия была крайне необщительна со своей семьей — когда маленькая девочка вернулась домой на автобусе, она даже не поздоровалась с отцом, который

приветствовал обеих своих женщин с несвойственным ему чувством такта и терпимости. Казалось, он намеренно держал себя как можно более вежливо — он даже позволил малышке начать ужин, не заставляя её произносить молитву перед едой, что в обычное время, вероятно, было бы невообразимым нарушением установленных обычаев в их семье.

Делия подозревала, что её отец намеренно разыгрывал роль доброго семьянина, чтобы загладить перед ней какой-то свой проступок, о котором девочка не имела ни малейшего представления. Однако через день она начала кое-что понимать. Когда за завтраком, по своему обыкновению, она объявила своей семье, что собирается навестить Джордана, мать посмотрела на неё так, словно та говорила о чем-то совершенно немыслимом, а отец, мрачно уставившись в свою тарелку, взял бутерброд в руки и вздохнул.

— Тебе не следует этого делать, — твердо сказал он, жуя бутерброд с ветчиной, щедро намазанный горчицей.

Маленькая девочка вопросительно посмотрела на отца, но он продолжал размеренно двигать своими огромными челюстями, не обращая внимания на дочь. Затем Делия перевела взгляд на мать.

— Mam, почему я не могу пойти к дяде Джо? — спросила она, чувствуя, как в груди нарастает чувство чего-то нехорошего.

— Дело в том, дорогая, — ответил за неё маму отец, который уже закончил жевать бутерброд, — что соседская собака взбесилась от жары и убежала за ворота дома, и теперь она бродит поблизости и может наткнуться на тебя.

— Вы что, совсем не собираетесь меня отпускать? — Делия изобразила обиду.

— Мы можем отпустить тебя на улицу, но не ходи к соседу, — продолжил отец, — кто знает, вдруг собака уже успела укусить его самого?

— Он прав, — вдруг подала голос мать девочки, которая до этого сидела молча, — слушай папу, Делия, и не броди по окрестностям одна.

— Так вы позволите мне пойти к нему или нет? — громко и настойчиво повторила Делия, отчаявшись дожидаться внятного ответа от родителей.

— Нет! — таким же тоном ответил отец, который как раз потянулся к горячему чайнику, чтобы долить себе чаю в кружку.

— А теперь собирайся в школу, иначе опоздаешь! — сказала мама. — Ты и так уже пропустила вчерашний экзамен по литературе!

Девочка бросила недоеденный бутерброд на тарелку и, вскочив из-за стола, побежала в свою комнату, на ходу схватив замшевую куртку, висевшую на двери столовой — потому что через пять минут отец должен был отвезти её в школу на своей машине. В спальне она быстро взяла свой портфель и бросилась к двери, которая вела на улицу. Отец всё ещё продолжал завтракать, и только когда девочка уже выбежала на крыльцо, он соизволил оторваться от еды и неохотно пошел одеваться.

Тем временем Делия забралась на забор и уселась на свое обычное место, свесив ноги вниз. Ожидая, когда выйдет отец, она стала заглядывать в соседний двор — действительно, её любимый Буффало больше не бегал по другую сторону забора, а самого Джордана также не

было видно. Но девочка тогда не придавала этому особого значения, потому что подумала, что он мог либо быть на работе, либо просто спал до обеда (что часто случалось с ним, когда мать Делии не будила его телефонным звонком по утрам).

Затем, два дня спустя, однажды утром родители сказали своей дочери, что она сегодня не пойдет в школу — дело в том, что отец отвезет мать в аптеку, где он работал, потому что ему понадобится её помощь. С этими словами родители заперли входную дверь и уехали в центр, оставив Делию сидеть дома одну. Их дочь не могла понять, в чем дело — причина, приведенная её отцом, казалась малышке настолько нелепой и неубедительной, что она решила, что в их семье произошла какая-то неприятность, о которой папа почему-то не хотел говорить. И именно тогда у Делии вдруг мелькнула догадка, что её родители решили скрыть от неё что-то, связанное с судьбой дяди Джо.

Как только Делия услышала, что машина родителей отъехала от ворот, она тут же выбежала из прихожей и, распахнув ставни, уставилась в окно, которое как раз выходило в соседний двор. Как и прежде, там не было видно ни души — ни бельгийской овчарки, ни её владельца. Затем малышка начала всхлипывать — сначала тихо, потом все громче. Далее она бросилась на кровать, зарывшись лицом в подушку, и в ту же секунду из её глаз хлынул поток слез.

Когда Делия немного успокоилась, она снова подошла к подоконнику и стала напряженно вглядываться в окно соседского дома, надеясь увидеть в нем знакомое лицо, но, увы, за стеклом никого не было. До ушей девочки доносилось пение птиц, которое в этот момент показалось ей насмешкой — как будто сама природа издевалась над Делией и смеялась над её горем. Бедняжке снова захотелось заплакать, но у нее не осталось на это сил — тогда она сделала над собой усилие и попыталась взять себя в руки, но ощущение беды, нависшей над головой Делии, не покидало ее до тех пор, пока не вернулись её родители.

Когда вечером вся семья собралась за столом, девочка заметила, что взрослые явно чем-то расстроены — в их движениях чувствовалось заметное напряжение и какой-то бессильный гнев. Прочитав молитву, они минуту или две молчали, не спеша приступать к еде — её отец выглядел озабоченным и печальным, а мать была необычно тихой и поглощенной своими мыслями. Вскоре отец, обменявшись взглядами с женой, вдруг повернулся к дочери, которая сидела по левую руку от него.

— Делия, — с усилием произнес он, поворачиваясь к ней, — я хочу попросить тебя об одном одолжении.

При этих словах он проглотил комок, вставший у него в горле.

— Что ты хочешь сказать, папочка? — как святая невинность, спросила его дочка.

Делия не могла себе представить, о чем он попросит её, но, почувствовав неладное, инстинктивно поджала ноги под стул и, подняв глаза на отца, увидела странный блеск в его глазах.

— Забудь о нем, — сказал он тихо, — об этом Джордане, — мрачно добавил он.

Девочка была готова услышать от отца что угодно, но только не это. Хотя, честно говоря, с самого первого дня переезда в Портленд Делия подозревала, что её отец всем сердцем ненавидел своего соседа, но по крайней мере она никогда раньше не слышала, чтобы её отец публично выражал свою неприязнь. Поэтому, когда глава семейства произнес эти шесть слов, они произвели на девочку не меньшее впечатление, чем сам факт того, что дядя Джо вместе с Буффало так и не соизволили порадовать Делию своим присутствием на их прежнем месте.

Ошеломленная маленькая девочка молча смотрела на отца, не находя в себе сил заговорить — только плотнее вжалась в спинку стула и захлопала ресницами, как часто делала в состоянии крайнего шока. Вскоре Делии удалось взять себя в руки и облизать пересохшие от возбуждения губы.

— Почему, папа? — заикаясь, пробормотала девочка, неотрывно глядя на морщинистое лицо своего старого отца.

— Потому, милая, что дядя Джо умер, — ответил тот с удивительной мягкостью, отправляя в рот ломтик бекона.

Малышка невольно почувствовала аппетит, глядя на то, как сосредоточенно её папа пережевывает мясо, но слова, которые он произнес перед этим, снова повергли её в грусть. Она перевела взгляд на мать, но та, не произнеся ни единого слова, лишь скорбно покачала головой, усердно работая вилкой. Внутри девочку сжигало чувство стыда за свое поведение — в конце концов, она не должна была так сильно беспокоиться о судьбе какого-то человека, который даже не являлся её родственником. Но Делия не могла заставить себя просто так забыть о дяде Джо — настолько сильное впечатление он на неё произвел, и поэтому в эту минуту, когда её отец объявил о смерти Джордана, ей было очень трудно отнестись к этим словам серьезно.

— Умер? В каком смысле? — растерянно спросила она.

Она втайне мечтала о том, чтобы папа признался ей в том, что он просто пошутил, и на самом деле дядя Джо просто задержался на работе и вернется домой только завтра. Делия напряженно ждала ответа, но её отец не торопился удовлетворять её любопытство — вместо этого он продолжал уплетать за обе щеки макароны, густо политые грибным соусом. Наконец, доев свою порцию, он вытер салфеткой жирные губы и откашлялся.

— Есть такая болезнь, называется рак, — начал её отец издалека.

— Я не понимаю, как это... — хотела вмешаться девочка, но отец властно поднял ладонь, и дочери пришлось замолчать.

— Когда человек много курит и пьет, — продолжал старик, — то его тело постепенно увядает, как растение, которое никто не поливает.

Делия не могла не отметить про себя, что эта аналогия была совершенно неуместна в данной ситуации, но что поделаешь — её отец был всего лишь продавцом лекарств, поэтому было бы очень опрометчиво ожидать от него красивых метафор и сравнений. Делия смерила отца холодным взглядом, но он, казалось, не заметил упрека в её глазах и налил себе еще чашку чая. И тут её мать наконец решила вмешаться в разговор между своим мужем и дочерью — она запрокинула голову и, глядя куда-то в потолок, принялась помешивать ложечкой в своей чашке.

— Хороший ребенок — это послушный ребенок, — сказала она в каком-то отстраненном состоянии.

— Это очень правильное наблюдение, — кивнул её муж.

Их дочку внезапно охватило чувство праведного гнева, как будто нравоучительное замечание матери унизило её, поставив в один ряд с теми напыщенными, безмозглыми детьми-моделями, которых Делии доводилось видеть на экране телевизора или на рекламных щитах. Делия с

трудом сдерживала свой гнев, и всё, что она могла сделать, это встать из-за стола и громко топнуть ногой.

— Вы хотите сказать мне, — воскликнула она на весь обеденный зал, — что родителям нужны не гении или мыслители, но безмозглые исполнители?!

В следующую секунду она тут же выбежала из столовой, так и не доев восхитительных блюд, которые её мать приготовила для всей семьи в целом и для самой малышки в частности. Понаблюдав за дочерью, мать повернулась к супругу — по её лицу было видно, что слова девочки произвели на неё сильное впечатление.

— Santo Deus! — по-португальски сказала она тихо, но очень выразительно. — Ты знаешь, что она сделала?

Глава семейства пожал плечами и снова посмотрел на дверь, в которой исчезла его маленькая девочка. Он подумал про себя, что Делия — девочка не промах, вся в отца — ибо давала волю гневу точно так же, как и он сам в свои молодые годы, и даже взгляд её глаз был таким же пронзительным и безжалостным... Но жена отвлекла его от приятных мыслей.

— Делия процитировала Робеспьера на наших собственных глазах! — при этих словах женщина схватилась за голову.

— Ну и что в этом такого плохого? — равнодушно спросил её муж, поудобнее устраиваясь в кресле.

— Более того, у неё хватило ума перефразировать его слова! — взволнованно продолжила его жена.

— Подумаешь беда какая. Нашей дочери уже восемь лет, мы должны радоваться, что она развивается! — флегматично ответил глава семейства.

— Это все из-за этого насильника, этого проклятого...

Мать Делии остановилась на полуслове, как будто ей было очень неприятно произносить имя человека, который, по её мнению, научил её дочь некоторым очень и очень нехорошим вещам. Отец понял, кого его жена имела в виду, и перестал улыбаться.

— Ты можешь быть спокойна, дорогая, — серьезно сказал он, отводя взгляд в сторону, — мы преподали этому негодяю урок, и он никогда больше не посмеет приблизиться к нашей дочери, как бы ему этого не хотелось.

Искренняя злоба, с которой он произнес эти слова, мгновенно передалась его жене, отчего её бескровное лицо покрылось красными пятнами. Она высоко подняла голову и гордо сказала:

— Sim, querido! Мы отомстили за оскорбленную честь нашей семьи! Отныне никто не посмеет косо смотреть на нашу девочку!

Лицо отца смягчилось, но глубокая озабоченность на мгновение задержалось в его мыслях, что не могло ускользнуть от внимания его второй половинки, которая, заметив перемену в настроении мужа, прекратила свои разглагольствования и посмотрела на него с сочувствием.

— О чем ты задумался, радость моя? — проворковала она. — Тебе не понравились мои тетрацины?

Она имела в виду макароны, которую этим вечером приготовила всей своей семье.

— Нет, воздух, которым я дышу, — ответил мужчина, — ужин был выше всяких похвал, и я уверен, что ты очень устала, когда готовила его для меня и нашей малышки.

Его супруга вздохнула и с облегчением откинулась на спинку стула.

— И поэтому, — продолжил старик, — я подумал, что тебе, кровь в моих жилах, следует взять себе в помощники другого человека, чтобы он позаботился о нашей...

Он не успел закончить свою льстивую речь — его жена, которая до этого начала было спокойно дремать за столом, в мгновение ока очнулась ото сна и в исступлении замахнулась на него фарфоровой сахарницей, которую схватила со стола.

— Успокойся, райское блаженство, — сказал отец семейства, вовремя среагировавший на внезапный маневр своей второй половинки.

— Я тебе не «райское блаженство»! — в ярости закричала женщина и огрела мужа по голове блюдцем от кофейной чашки.

— Но послушай, удовольствие которое я пропустил! — взмолился старик, потирая шишку. — Что плохого в том, чтобы нанять няню, которая бы присматривала за нашей дочерью?

— Я не потерплю, чтобы какая-то чванливая дурочка с ветром в голове решала за меня, как воспитывать мою Делию, мою священную малышку! — сказала мать семейства.

Отец не мог не согласиться со своей женой — хотя бы потому, что его собственное детство прошло в доме, где в отсутствие родителей обязанности гувернантки выполняли либо его старшая сестра Брианна, либо тетя Джоделль (которая тогда была еще в расцвете сил), но никогда не незнакомка, нанятая на стороне. Правда, именно по этой причине он и горел желанием нанять няню — ибо в глубине души отец хотел, чтобы его ребёнок рос в гораздо лучших условиях, чем он сам — но таков уж был характер его избранницы, из-за которого он не мог отказать ей в благородном желании растить Делию самой, без помощи посторонних, хотя и видел, как ей это трудно.

Сама их дочь в это время закуталась с головой в одеяло и изо всех сил пыталась заснуть, но крики ссоры родителей, доносившиеся из столовой, не давали ей такой возможности. Делия, хотя и была ещё слишком молода, уже понимала, какое тяжкое бремя — быть рабыней Господней, и поэтому не особенно жаловалась на свою судьбу, иногда лишь украдкой поглядывая в окно, все ещё надеясь, что её дорогой дядя Джо вот-вот вернется в свой дом и заберет её — если не навсегда, то хотя бы на время.

Но, увы, как бы сильно она этого ни хотела, но этого так и не произошло. Вместо этого Делии довелось стать свидетельницей того, как в один прекрасный день к соседскому дому подъехал грузовик, из которого вышли люди в форме, которые, выгрузив все имущество Джордана на улицу, наглухо заколотили окна и двери, после чего сели в машину и умчались в неизвестном направлении. Делии было грустно наблюдать за этим актом мародерства, но что она могла сделать, кроме как сжать кулаки, отдавшись горю и отчаянию, надеясь при этом на Божью милость?

Думая о дяде Джо, Делия сама не заметила, как уснула. На этот раз ей приснилось нечто довольно приятное — она оказалась в каком-то гроте, темноту которого освещал смоляной факел, висевший на скалистой стене. До ушей девочки доносились приглушенные звуки

прибоя, которые иногда прерывались редкими криками чаек и далеким скрипом мачт невидимых её глазам кораблей. Несмотря на то, что Делия сидела на камне в одном лишь лёгком платье из тонкого белого кружева, в гроте было необычайно тепло — видимо, скальные породы еще не остыли после дневной жары.

Вглядываясь в темноту, которую едва рассеивал тусклый свет факела, Делия вдруг заметила, что рядом с ней на небольшом каменном выступе сидит человек. Он был одет в робу из грубой коричневой ткани, которая сильно напомнила малышке монашескую рясу, только почему-то его капюшон был надвинут так низко, что девочка не могла видеть лица своего соседа, но что-то подсказывало ей, что под коричневой тканью скрывался некто очень близкий и дорогой ей.

Малышка уставилась на человеческую фигуру рядом с ней. Незнакомец, почувствовав на себе пристальный взгляд девочки, поднял голову, и на мгновение Делии показалось, что в черноте его капюшона блеснули два глаза, при виде которых у нее перехватило дыхание от восторга, смешанного со смущением.

— Дядя Джо! — прошептала она с любовью в голосе. — Пожалуйста, скажи мне, это действительно ты?

Мужчина в рясе ответил не сразу — как поняла девочка, он колебался, порадовать ли свою маленькую подругу такой новостью или оставить её в уверенности, что ей все это почудилось. Однако вскоре незнакомец кивнул головой, и Делия услышала его тихий, надтреснутый и полный глубокой меланхолии голос.

— Да, Делия, это я, — произнёс он кротко.

Маленькая девочка с трудом подавила желание броситься ему на шею. И он тоже, наверное, чувствовал себя не очень хорошо — ей показалось, что он заметно сутулился, а плечи его время от времени вздрагивали, как будто у него была лихорадка. Делии стало жаль этого человека.

— Дядя Джо, почему ты прячешь от меня свое лицо? — спросила его Делия, поднимаясь с камня.

— Это прозвучит грустно, — вздохнул её собеседник, продолжая неподвижно сидеть в одной позе, — но общество скрыло меня от тебя, и теперь мне никогда не будет суждено предстать перед твоими глазами.

— Не говори со мной загадками, — сказала девочка, начиная медленно приближаться к нему, — объясни мне свои слова, — попросила она Джордана.

— Я имею в виду тех, кто разлучил нас с тобою, — печально ответил дядя Джо, — ты ведь слышишь их голоса, не так ли? — он внезапно слегка повысил голос.

Делия остановилась на полпути к дяде Джо и замерла, прислушиваясь к звукам, доносящимся снаружи. И в самом деле, какие-то далекие голоса теперь смешивались с успокаивающим шумом морских волн, набегающих на берег. Девочка не могла разобрать ни единого слова, но по голосу смогла определить, что это была толпа мужчин, которая, насколько она могла судить, приближалась к их гроту. Вскоре к грубой болтовне людей присоединился пронзительный лай. Очевидно, толпа пропустила вперед ротвейлеров — собак, которых Делия искренне ненавидела всем своим детским сердцем.

— Дядя Джо, я боюсь за нас обоих! — воскликнула она, падая на колени перед фигурой в робе.

— Они тебя не тронут, — спокойно сказал Джордан, явно пытаясь успокоить Делию, — им нужен только я один.

— Нет! Я не позволю, чтобы тебя схватили! — кричала она, заламывая руки. — Я лучше умру прямо здесь, чем отдам тебя в их распоряжение!

— У тебя отважное сердце, — продолжал дядя Джо так же печально, — но ты не должна рисковать собой ради меня, умоляю тебя...

— Это несправедливо! — возразила ему Делия.

— Пожалуйста, оставь меня здесь одного, — попросил Джордан, — меня нет в твоём мире, твои маленькие глазки меня не увидят...

— Не носи чушь, дядя Джо! — с раздражением воскликнула маленькая девочка.

После этих слов Делия подбежала к фигуре в робе, чтобы заключить Джордана в объятия, но тот вытянул руки вперёд, явно пытаясь помешать ей сделать это. Во время этого защитного маневра его капюшон случайно откинулся, и Делия, издав душераздирающий крик, отшатнулась назад. Её длинные шелковистые волосы рассыпались по её плечам, а в широко раскрытых испуганных глазах отражались тени, пляшущие на потолке от тусклого света факела.

Под коричневой тканью, которая все еще сохраняла очертания человеческой фигуры, не было абсолютно ничего — через горловину Делия видела только внутреннюю сторону робы...

<http://tl.rulate.ru/book/102483/3539628>